

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО

ИРИНА
БЕХТАЛЬ

Том 2

ОЧЕНЬ ПРИЯТНО,

НИАГАРА

Ирина Геннадиевна Бехталь

Очень приятно, Ниагара. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23931479

Аннотация

Эта книга – сборник рассказов, объединенных одним персонажем, от лица которого и ведется повествование. Ниагара – вдумчивая, ироничная, чувствительная, наблюдательная, находчивая и творческая интеллектуалка. С ней невозможно соскучиться. Яркие, неповторимые, осязаемые образы героев. Неожиданные и авантюрные повороты событий. Живой и колоритный стиль повествования. Сюжеты, написанные самой жизнью.

Содержание

ПРИЯТНО УВИДЕТЬСЯ ВНОВЬ	5
Анастасия	7
Глеб	26
Стелла	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Все события, обстоятельства, персонажи, ситуации являются плодом буйного воображения автора. Не смотря на кажущуюся автобиографичность повествования, все эпизоды – суть выдумка. И если Вы, уважаемый читатель, узнали в ком-то из героев себя или своих знакомых, то это только случайное совпадение. Или знак свыше. Или происки подсознания. Или примета времени. Автор ответственности за Ваши предположения и узнавания не несет!

ПРИЯТНО УВИДЕТЬСЯ ВНОВЬ

«Лучшие годы жизни – те, что оставили яркие воспоминания»

Привет. Есть вероятность, что мы уже знакомы. И в этом случае рада видеть тебя вновь. Если нет – давай знакомиться. Меня зовут Ниги, Ниагара. Так меня прозвали мои коллеги и знакомые. Итак, теперь можешь называть меня ты.

Прогуляемся? По страницам... Мне есть, что рассказать тебе.

Жизнь – это бесконечная школа выживания, череда людей и событий, неповторимый путь личности. И я поведаю тебе о людях, которые оставили свой «непоправимый» след на моем жиненном пути. Они такие разные и неповторимые, но без любого и каждого из них я была бы другой. Всё не случайно и не напрасно.

Мы даже не представляем себе, чем и как аукнется наше присутствие в судьбе другого человека сегодня, завтра или в далеком будущем. Как говорится, «тайна сия велика есть». Но, может быть, в этой великой тайне и заключено счастье, а вдруг именно это и есть – смысл и суть жизни каждого из нас?!

Присядем на дорожку, дорогой путник. Помни, что выслушав меня, ты уже никогда не будешь прежним. Соприкасаясь друг с другом, мы оставляем невидимые и неизбежные следы в судьбе и личности другого человека.

Анастасия

«Присмотришь к отражению в зеркале. Узнаешь этого человека?»»

Хрупкая худоба, изящные говорящие руки с тонкими музыкальными пальцами, милое лицо с красивым глубоким карим взглядом, длинные русалочки ноги. У русалок нет ног? Может быть, но у этой были – точеные с мягкими изгибами. Невольно возникали ассоциации с белоснежной фарфоровой фигуркой балерины в старинной музыкальной шкатулке моей прабабушки. Такое впечатление производила на меня Анастасия с самого начала и всегда. Заметно выше среднестатистической женщины и весьма умеренно страдающая от избытка веса, я чувствовала себя рядом с Настей толстой карлицей. Но это чувство не убеждало держаться подальше. Напротив, таинственное природное обаяние притягивало магнитом.

Наше знакомство началось издали, в прямом смысле этого слова. Мы работали в одном здании, поэтому возможность любоваться Настей у меня появлялась практически ежедневно. Выбирать себе наряды, подчеркивающие достоинства, она умела великолепно, вызывая эстетический восторг у зрителей. Мое внимание было наверняка замечено, поэтому я начала здороваться при встрече.

И вот однажды, вызвав лифт, я предстала перед Настей, которая держала за руку такую же длинноногую и худощавую как она, но по детству еще угловатую девочку лет пяти. Ребенок был насуплен и явно раздосадован чем-то.

– Здравствуйте, прекрасные незнакомки! – улыбнулась я попутчицам.

– И вам – добрый день! Оленька, твои обиды на маму во все не повод не ответить на вежливость хорошему человеку, – девочка не откликнулась на слова родительницы, лишь внимательно рассматривала меня из-под длинной челки.

– Так это еще неизвестно, – хороший человек или нет, а своих проблем – вон сколько, не до пустой болтовни, – подержала я молчание ребенка.

– Для упрямых ишачков только морковка достойный повод открывать рот, – подыграла мама, – тогда давайте мы с вами будем разговаривать, раз Оля онемела. Вас как зовут?

– Ниги, а вас – мама Настя? Будем знакомы, вы любите шоколадные конфеты? У меня одна, по случаю, в кармане припасена. Хотела Оленьку угостить, но раз она ушла в себя, отдам ее вам.

– Здравствуйте, – торопливо выкрикнула Оленька и подняла на меня свои требовательные небесно-голубые глаза.

– Ой, Настя, как некрасиво получилось. Оля-то, оказывается, воспитанная и общительная девочка. Придется отдать конфету ей, вы уж простите, я завтра принесу вам другую.

– Конечно, только не забудьте! – весело поддела меня Ана-

стасия.

На следующий день по дороге в офис я купила небольшую коробку конфет и перед самым обеденным перерывом вышла с ней в вестибюль. Настя появилась минут через пятнадцать, озаряя мир улыбкой и очаровательным «оперением». Увидев меня, радостно кивнула и направила стопы в мою сторону.

– Анастасия, я не забыла, это вам, – коробка с лакомством перекечевала из рук в руки.

– Ниги, я ценю хорошие шутки и выполненные обещания. Скажу больше, очень люблю именно эти конфеты. Но ведь получается, что я вынудила вас сделать мне подарок, ничем его не заслужив.

– Почему же? Презент куплен от души. Если нужен повод – за то, что вы называли меня хорошим человеком. Я отдаю себе отчет, что это скорее аванс, чем признание истины, но благодарна за доверие.

– Ну и зря не поверили. Интуиция позволяет мне это утверждать. А мы вот, что сделаем. Сегодня после работы пойдем ко мне в гости, пить кофе с любимыми конфетами. Я тут рядом живу, три квартала всего. Не отказывайтесь. Да и Оля обрадуется.

– А другие ваши близкие?

– Это не актуально. Жду вас вечером на этом месте.

Так началась наша добрая, крепкая и нежно-трогательная дружба.

Нася, как называли ее близкие в память о детском словотворчестве любимой дочери, оказалась радушной, гостеприимной, умелой и рачительной хозяйкой. Создавалось впечатление, что предметы светились внутренним светом, заряжаясь от хозяйки, сами собой появлялись или исчезали в нужном порядке. Сырная и мясная нарезки манили тонким ароматом, благородно украшенные причудливыми съедобными розочками, лепестками и завитушками. Мясной пирог, изготовленный руками хозяйки, вызывал эстетическое наслаждение и бурное слюноотделение. Над чаем витал колдовской запах трав.

Вокруг живые цветы, со вкусом подобранные литографии на стенах, ламбрекены на окнах, мягкие вышитые подушки, причудливые безделушки, электронные фото-рамки с калейдоскопом милых лиц. Уютно, добротно, чисто, комфортно и весело. Грациозная хозяйка гармонично вписывалась в живой интерьер.

Оленька и правда мне обрадовалась, абсолютно не понимаю почему. Подаренную мной по случаю безделушку она торжественно водрузила на стеклянную полку посудного шкафа, оживленно рассказала о своих успехах на поприще «работы в детском саду», уговорила поиграть своей куклой и поручила накормить во время ужина одного из плюшевых медведей. Утолив голод, ребенок покинул кухню, чтобы за-

няться собственными неотложными делами, лишь попросив разрешения посмотреть мультик. Видимо, в этой семье было принято ценить и уважать право каждого на свободу и доверие. Оля без дополнительных уговоров дала маме возможность пообщаться с новой подругой. Нася, в свою очередь, не суетилась и не контролировала каждый шаг самостоятельной дочери.

Наше общение с хозяйкой миновало стадию стеснения и неловкости очень быстро. Обаяние Насти не оставляло места принужденности. Полное впечатление, что мы давно и прочно знаем друг друга, правда, без подробностей личной жизни. Мы очень разные, но нас роднило многое – впитанные в семье принципы жития, предпочтения в музыке и литературе, интересы к рукоделию, взгляды на мир, моральные ценности. Даже устойчивые идиомы, вплетаемые в разговор одной из нас, декламировались хором.

Разговор о супруге Нася начала сама. Снедаемая любопытством о судьбе папы Оленьки, я, тем не менее, тактично обходила эту тему, боясь потревожить атмосферу прекрасного вечера. Все оказалось прозаично, как не должно было быть у этой неординарной женщины: измены мужа, внутренняя борьба и внешние размолвки, пропасть непонимания, распад семьи. Исповедь была печальной, но чистой, как родниковая вода. В воде этой явственно чувствовался привкус не пережитой горечи и глубоко спрятанной нерастраченной нежности и бесконечной любви к человеку, который предал

не по глупости или злонамеренности, а скорее из-за неуёмности природы и природного упрямства. Она продолжала уважать, ценить и ждать его даже теперь, когда в их общем доме обитала новая пассия, сминая своим сдобным телом брачные простыни. Даже сейчас она прощала несовершенства и восхищалась умом и проницательностью этого мужчины, сотворившего зло.

– Понимаешь, Ниги, я однолюбка. Даже подумать страшно, что его место может занять кто-то другой. Таких больше нет, а соглашаться на худшее я не буду. Видно, судьба моя такая – соломенное вдовство. Хорошо, что есть Оленька, она помогает мне справляться с тоской. Но, к сожалению, место для грусти и самоедства остается.

– Однако, это очень странно. Даже не представляю, на кого и зачем можно было променять такую женщину. Может он и умен, но недалёковиден. Другое очевидно – ты мало себя ценишь.

– Эх, чего-то я разнюнилась. Сказать по правде, я мало кому вообще про свои семейные передряги рассказываю, а про то, что на душе, так и вообще единицам. Но тебе захотелось открыться. Нет в тебе укора и предвзятости. Как будто с отражением в зеркале разговариваю, безопасно и поучительно. Я давно тебя заметила и познакомиться хотела, только события не стала торопить. Моя интуиция меня не обманула, я рада. Да и Оля тебя приняла, а она – индикатор хороших людей. После встречи в лифте нет-нет, да и вспомнит.

– Значит, нам обоим... нет, нам троим повезло, что мы друг друга нашли. Общаюсь с тобой, – на душе покой и тепло, как с родным человеком.

В этой молодой женщине странным образом гармонично уживались ранимость и твердость, впечатлительность и самообладание, искренность и хитрость, порочность и целомудрие, простота и академичность, ум и красота.

Как-то вечером я заметила, что Настя особенно задумчива. Словно, поддерживая наш диалог, постоянно мысленно прокручивает неприятный видеоролик. Конечно, я поинтересовалась причинами глубоких раздумий. Ведь любая тема легко могла быть обойдена, если одна из нас по тем или иным причинам не хотела ее обсуждать. Стоило только сказать об этом.

Настя помялась, помолчала, но решилась на откровенность.

– Ниги, мне очень тяжело это осознавать, но мой Валёк продолжает гулять, теперь уже от нынешней пассии.

– С чего ты это взяла? Кто-то рассказал? Люди любят позлословить. А когда к этому примешивается еще и зависть, так и соли не жалко на зияющие раны. Никому не верь! Да и не тебе же изменяет?

– Все не так банально, Ниги. Если бы он действительно любил и строил серьезные отношения, то не стал бы распы-

ляться на разных девиц. И мне было бы проще смириться с тем, что Валя не со мной. А теперь получается, что и он не счастлив. Информация точная, не сплетни.

– Да откуда точность? С чего ты взяла?

– Он на сайте знакомств переписывается, свидания назначает. Я одно randevу проследила. Они встречались явно не кофейку попить. Мужчина видный, обходительный, умный. Любая будет рада захомутать.

– Проследила? Не понимаю, а как ты узнала место встречи?

– На сайте и узнала, – горестно вздохнула Настя, пряча глаза.

– То есть как, на сайте? Ты ему написала, а он назначил свидание? Нет, тогда и следить не надо. Тогда, откуда дровишки?

– Я к нему на страницу зашла, прочитала переписку. А самой писать было бы глупо, он меня вычислит сразу. Говорю же, – умный, знает меня как облупленную.

– Ты хакер? Взломала пароль? И как вообще тебе могло в голову прийти на этом сайте искать?

– А-а-а, кошмар! – Анастасия закрыла лицо изящными ладонями, – представляю, что ты про меня будешь думать, но придется теперь выложить все.

– Не переживай, дорогая. Пусть кидают камни те, кто безгрешен. К большому стыду, у меня этого нет.

– Понимаешь, я открыла свою страницу на этом сайте зна-

КОМСТВ.

– Молодец, правильно, я давно тебе говорила, что отвлечься надо. Клин клином вышибают. Да на такой товар купцы слетятся, как те пчелы на сладкое.

– Подожди ты! Купцы...

– Извини, ну и?

– Ну и забила параметры, стала просматривать кандидатуры и... нашла Валу.

– С фоткой и выходными данными?

– Нет, это было бы слишком просто. Но я ведь его тоже знаю, как свои пять пальцев, без фотки обошлась.

– Понятно. То есть теперь совсем ничего не понятно. А переписку ты как прочитала?

– Это было уже легко. Логин и пароль вполне предсказуемы и известны мне из прошлой жизни. А потом... Пришла, увидела... До сих пор в шоке. Он одинок, Ниги, душевно одинок.

– Ты просто неисправима. Изменяет он какой-то женщине, до которой нам и дела нет. Может, у них игра такая или пари. Ходят оба налево, а потом поворачивают оглобли направо и весело друг другу рассказывают о забавных приключениях. Люди развлекаются, а ты грех на душу берешь – впадаешь в уныние. Улыбнись, Нася! Нет на тебе тяжкого бремени жены, а значит, ответственности за прелюбодеяния Валентина ты не несешь.

– В том-то и печаль, что нет. Люблю я его до сих пор, не

смотря ни на что. Ниги, а давай...., ты ему на сайте напишешь? Тебя-то он не знает. Убедимся, что он и правда ничего серьезного не ищет, а? – вдохновенно уговаривала подруга.

– Здорово ты придумала, Настя. Напишу. Не дай Бог, ответит. Пойду на свидание и буду ждать, не захочет ли он продолжить знакомство в горизонтальной плоскости?

– Я тебя тогда убью! И думать не смей! Я точно знаю, что ты ему понравишься, он ценит умных женщин.

– Спасибо за комплимент, дорогая. Так что, мне аккаунт мастерить или к смерти готовиться? Пасть от твоей прекрасной карающей десницы я готова!

Чудесам заочного поиска и окучивания, очных встреч и пошло-игривых свиданий «скитальцев сайта знакомств» стоило бы посвятить отдельную книгу, поскольку уж очень непредсказуемы, причудливы, оригинальны, уродливы и опасны бывают обитатели этой ярмарки неврозов. Много ярких минут мы пережили с Настей, обсуждая СМС-переписку, звонки и немногочисленные свидания моей красавицы и «королевишны» с претендентами на руку, сердце и другие важные части женского тела подруги. Таким нехитрым образом мы пытались ликвидировать самоотверженную зависимость Наси от постоянных дум о муже.

Помню томительные и длинные стихотворные послания, писанные витиевато и не в рифму, но с большим чувством

одним из обитателей мест не столь отдаленных. Любвеобильный «сиделец» был весьма не глуп и очень начитан, что делало эпистолярное общение с ним не лишенным некоторой приятности и шарма. Но долгожданная и полученная-таки по MMS фотография тайного друга ударила грозной гильотиной по тонкой шее начавшегося было чувства.

Весьма оригинальным был солидный мужчина средних лет в черном костюме, перекочевавший со страниц сайта прямо под крыльцо нашего офиса. На возможности подвезти даму после трудового дня домой он настаивал упорно, не желая принимать во внимание близость мест работы и проживания. Подкатив на черном Бумере, жених галантно распахнул дверцу машины, чуть нагнувшись. Теперь его макушка доставала аккурат до плеча видной невесты. Это театральное представление я видела лично из-за стеклянных дверей. Остальное, захлебываясь смехом, мне рассказывала позже сама Настя. Уже в салоне авто ухажер вручил даме презент – мюсли, сопроводив тщательным объяснением полезности подарка для здоровья и женского долголетия. О себе при этом он говорил в третьем лице, именуясь Бэтменом. Настя шутку оценила. Но оказалось, что товарищ жених на полном серьезе полагает себя супергероем, двойником киношного Адама Уэста, тайным воплощением альтер-эго миллиардера Брюса Уэйна, успешного промышленника, филантропа и любимца женщин. Как при этом он умудрился стать высокооплачиваемым наемным работником в престижной финан-

совой конторе не понятно. Но абсолютно явными стали причины отсутствия рядом с конкретным российским воплощением супермена так необходимых ему леди Меридиан, Вики Вейл, Рэйчел Доуз, Селины Кайл или Миранды Тэйт. Без особых церемоний его покинула и мадам Анастасия.

Еще один сердечный друг по переписке пригласил Настю в кафе. Сдержанный, интеллигентный мужчина встретил даму у входа, чинно усадил её за столик, сделал подошедшему официанту необременительный заказ, развлек разговором о погоде. Как только напитки и мороженое были доставлены к столу, мужчина оплатил расходы, откланялся и удалился по неотложным делам. Такой вот роман без продолжения.

Это не считая многочисленных «удочек», «затравок» и «приманок», закидываемых пользователями сайта в сообщениях, иногда робких и невнятных, а порой – пошлых и оскорбительных.

На фоне этой увлекательной программы по поиску не столько спутника жизни, сколько веселых приключений, протекала рядовая жизнь со всеми возможными трудностями, заботами, успехами и радостями. Мы с Настей виделись часто: общались, спорили, обсуждали, развлекались, гуляли, делали покупки, воспитывали Олю, обменивались книгами, мнениями и впечатлениями, строили стратегические планы, разрабатывали тактику. Дальновидная и мудрая в одном, Анастасия демонстрировала близорукость и наивность

в другом. Много раз ее советы и наставления помогали мне справиться с проблемами на работе и в быту. А иногда мне хотелось просто обнять и защитить ее, как неразумное дитя, творящее беды по недомыслию.

Однажды утром Настя прибыла на работу с явными следами недавних слез. Увидев ее в холле, я испытала чувство давящей жалости и нарастающей агрессии к обидчикам. Долго не думая, зафиксировав своё наличие на рабочем месте, я кинулась к подруге. Мелькнул приветливый охранник, десяток дверей и перегородок, лица сотрудников, бесконечный коридор. Одинокая Настя стояла в темном закутке под лестницей, где чаще всего уединялась от мира в минуты внутреннего раздрая. Мое молчаливое осторожное и ласковое поглаживание по спине было принято. Значит, можно спрашивать.

– Настюш, скажи одно: то, что случилось поправимо?

– Все живы, Ниги, – всхлипнула подруга, – это пройдет, но сейчас мне очень тяжело.

– Как раз это я поняла. Моя помощь нужна?

– Да. Наверное. Постой со мной рядом. Не хочу сейчас ничего говорить, надо пожить с этим. Потом, вечером расскажу. Спасибо тебе.

Вечером грустная, но собранная Настя сидела напротив меня в кафе. Разговор касался текущих рабочих новостей. Рюмка коньяка и чашка натурального искусно сваренного

кофе были прологом к чистосердечной исповеди.

Накануне вечером Настя напекла вкусных пирожков, поиграла с дочерью и смотрела комедию на DVD, когда прозвучал звонок телефона. Голос в трубке был долгожданным и знакомым до обморока, но хриплым и невнятным, Валя был безнадежно пьян. Без предисловий он сообщил, что умирает и повесил трубку. Молниеносно одевшись, инструктировав дочь, собрав котомку с пирожками и вызвав маму для пригляда за Олей, Анастасия выскочила на улицу, поймала такси и уже через двадцать минут звонила в знакомую дверь. От нетерпения она еще и заколотила по ней руками. Обнаружив, что не заперто, влетела в квартиру, нашла недвижимого Валентина на диване в гостиной. Мужчина не имел видимых повреждений, был в сознании и пьяно улыбался. Ощувив прикосновения, открыл левый глаз:

– О, Н-настя!... П-привет!.. А я вот... н-напился... Мне так п-плохо...

– Валя, дорогой, что случилось?! Где болит?! Почему ты один?! Я вызову «скорую».

– Не н-надо... эт-то... ск-корую... Д-душа б-болит. П-поругались мы, она уш-ла.

– Горе луковое! Напугал меня, я уж думала, что не успею. Сейчас чайку согрею. Пирожки принесла, как ты любишь. Сейчас-сейчас, все пройдет, полежи немножко.

Напоив и накормив бывшего мужа, приложив к его голове

влажный компресс, Настя чутко спала рядом с ним в кресле, просыпаясь от каждого стога. А рано утром явилась его сожительница. Потoki брани, оскорблений, подозрений, проклятий, летящие в голову предметы ознаменовали утро Анастасии. Валя только хлопал длинными ресницами, не вторгаясь в поток стихии, захлестнувший онемевшую сиделку. Скромные остатки вкуснейших пирожков усыпали ступени подъезда, по которым бежала изгнанная с позором соперница. Бежала навстречу угрюмым объяснениям с мамой, обиженным глазам покинутого среди ночи ребенка и тяжело-му рабочему дню. Пожалуй, мои порывы воинствующей амазонки в данном случае были излишними. Кого следовало покарать не знающей жалости рукой? Любимого мужчину подруги, его кипящую ревностью пессию или отзывчивую Настю?

Был и такой случай. После рабочего дня я поджидала подругу на крыльце офиса уже минут сорок, благо погода была солнечной и теплой. Наконец Анастасия толкнула стеклянную дверь. В ее осанке была особенная стать, а лицо украшала улыбка победителя.

– Прости, Ниги, что заставила тебя ждать. Честное слово, даже предупредить не могла, у шефа сидела. Меня только что уволили.

– Как уволили? За что? – выдохнула я, – и ты при этом еще и улыбаешься?

– Меня не так просто уволить, как ты понимаешь. Как уволили, так и назад приняли.

– Нася, я с тобой поседею раньше времени! Разве можно так пугать?

– А я и не пугаю. Выкладываю порядок событий, как он есть. Пошли подруга, выпьем за мое здоровье рюмашку. Оно того стоит!

Настроение у моей собеседницы было явно приподнятым, ни тени нервозности или обиды. Даже не верилось, что можно пережить описываемый ею скандал, так легко. На совещании у директора выяснилось, что отдел, руководимый Настей, не выполнил план на месяц. Авторитарный и беспощадный шеф был невероятно зол и требовал увольнения виновных по собственному желанию. А случилась сия недоработка по вине крайне нелюбимого коллективом нерадивого, но «блатного» сотрудника, по совместительству являющегося племянником директора. Понимая всю глупость сложившейся ситуации, Настя просто взяла ответственность на себя и прямо на совещании написала заявление на увольнение, не мешкая подписанное начальством. Финал трагикомедии? Нет. Уходящие участники совещания услышали вслед почти классическую фразу:

– Анастасия, а вас я попрошу остаться!

Вернувшись к разговору о выполнении плана, шеф считал необходимым до конца прояснить причины недопустимых результатов работы. Настя упорно не сдавала виноватых

позиций, но попутно внесла несколько творческих предложений, суливших неплохой доход при внедрении. Жадный до прибыли начальник дрогнул. Договорились реорганизовать Настин отдел, добавив ему новых функций. В предвкушении преобразований заявление было разорвано на мелкие клочки и опущено в урну. Блестящая победа выдержки, хитрости и разума!

Спустя два года после нашего знакомства Настя огорошила меня абсолютно невероятным известием.

– Ниги, поздравь меня, я выхожу замуж!

– Как? Почему? За кого? Когда? – моему удивлению и радостному сопереживанию не было предела.

– В эту субботу. За Валентина.

– За... ???

– Да, правильно все понимаешь, за своего бывшего будущего мужа!

– Ну, ты даешь, подруга! Все-таки! И скрывала свой нарождающийся роман?

– Сглазить боялась, да и зачем тебе лишние переживания.

– Даже не знаю, чего и сказать. Желаю вам счастья, только его и всегда!

– И не надо ничего говорить, просто приходи в гости. Теперь к нам троим. Я уверена, что вы с Вале́й друг друга поймете.

– Может быть, может быть... В чем-то я его очень хорошо

понимаю, поскольку тоже люблю тебя. Но не разделяю некоторых его склонностей и не претендую на его место в твоей жизни. Хотя, робкая ревность уже шевелится в моей грешной душе. Что делать? Придется смириться с его наличием.

Права была подруга, снова права. Пусть и не сразу, но мы с гигантом Вале́й нашли общий язык и даже испытываем теплые чувства друг к другу. Настиного доброго присутствия хватает нам обоим, а когда не хватает – мы компенсируем его переживанием одинаково искренней любви к этой неординарной женщине.

Жизнь развела наши с Анастасией ежедневные дороги, но существуют люди, диалог с которыми не прерывается никогда, как далеко они ни были бы. Невидимые нити связывают нас с Настей всегда: в беде и в радости, днем и ночью, в разлуке и при встрече. Я ощущаю ее поддержку и доверие, вслух или мысленно обращаюсь к ней за советом, посылаю ей энергетические импульсы и получаю ответные послания. Если мы не видимся, она приходит ко мне голосом из телефонной трубки, запечатленным образом с фотографий, нежным, горьким или бодрым посланием из недр всемирной паутины, мелодией блюза из оживших динамиков, ускользающей загадкой из исчезающих снов и игривыми искрами в глазах из отражения в зеркале. Ведь психологи давно заметили, что тесное общение двух людей постепенно меняет их внешность до сильного сходства.

Глеб

«В противоположном углу ринга – доброта и терпение»

Когда-то давно, в незапамятные времена великий ученый и философ Аристотель сказал, что смысл жизни в том, чтобы служить другим и делать добро. Жизнь течет, меняются авторитеты, приоритеты и ценности. Далеко не все мои современники разделяют эту архаичную точку зрения. Но есть и те, кто продолжает великое дело Аристотеля, даже не подозревая о своей великой миссии. Они просто живут здесь и сейчас по законам древней этики. И я знакома с одним таким человеком. Это Глеб.

Кто он? Вероятно, стоило бы потратить время на то, чтобы рассказать, как закончивший колледж судоводитель ходил речными и морскими тропами к далеким берегам. Как женился, чтобы стать отцом дочери и развестись. Как работал продавцом в ювелирном магазине и курьером в крупной канцелярской кампании. Как начинал карьеру кладовщика и стал успешным менеджером. Но для целей повествование это не столь важно, как ответ на другой вопрос – какой он?

Итак. Какой он, Глеб? Коренастый, темноволосый, черноглазый, большерукий, с печатью кавказских черт. Одежду явно подбирает сообразно обстоятельствам, предпочи-

тая добротность и тонкий шик. Окутан флёрот затейливого парфюма. Нетороплив, но ловок, молчалив, но внушительен. Миротлюбив, но не робок, тактичен, но настойчив, энергичен, но сдержан. Обаяние Глеба, всегда улыбочивого и спокойного, не оставляет равнодушными ни женщин, ни мужчин. Он – желанный участник любой компании хотя бы потому, что не вносит излишней суеты, не требует к себе повышенного внимания, легко находит себе место и дело, немногословен и отзывчив. А еще рядом с ним всегда тепло и уютно, состояние безмятежной расслабленности возникает как следствие ощущения полной безопасности. Так маленький ребенок, пугающийся злобной темноты, спокойно засыпает в объятиях огромного плюшевого медведя, такого мягкого, большого и успокаивающего.

Наша встреча произошла в ночном клубе. На танцполе меня чувствительно толкнул подвыпивший молодой человек, напористо прокладывая путь сквозь причудливо извивающиеся тела. Восстанавливая равновесие, пришлось сделать шаг назад, и тут мне наступили на ногу. Неприятно, но не смертельно. В сиянии огней стробоскопа я обернулась к хозяину ноги-пресса. На меня смотрел ангел покаяния.

– Боже мой, – «ангел» взял меня за руки, – вам больно?

Вопрос звучал скорее как утверждение. Негативные ощущения не стоили и четверти той скорби, которая плавала в черных глазах юноши.

– Знаете, уже нет, – разговаривать приходилось близко наклоняясь друг к другу, чтобы перекричать рев музыки.

– Хотите меня утешить. Но я так не могу. Позвольте угостить вас коктейлем. Фирменным. В качестве компенсации. Пожалуйста, – моих рук он так и не отпустил.

– Хорошо. Но есть одна загвоздка. Я не пью с незнакомыми мужчинами.

– Я – Глеб. Теперь вы можете со мной выпить?

Вместо ответа я просто кивнула. Спутник повел меня за руку сквозь танцующую толпу, как ледокол ведет судно во льдах Арктики. Странно, но образующийся за Глебом коридор действительно позволял споро двигаться в сторону барной стойки. Коктейль был вкусным, а юноша галантным. Он так умело и незримо управлялся с барменом, бокалами, высокими стульями и навязчивыми приставалами, что оставалось только расслабиться и получать удовольствие.

– Вам точно не больно? Такая неловкость.

– Теперь точно, не переживайте. Меня, кстати, Ниги зовут. И можно просто на «ты».

– Ниги, какое красивое имя!

После этой реплики было бы просто преступлением рассказывать Глебу, что Ниги только прозвище. Позже он узнает об этом сам, а пока пусть будет красиво. Наше «прилюдное уединение» было бесцеремонно нарушено вертлявым и хudoщавым юношей.

– Глеб, мы тебя уже заждались. А ты – вот он, променял нас на киксу. Чем она тебе так понравилась? Обычная дура, жаждущая приключений на ж...у, – после чего адресовался уже ко мне, – Пьешь на халяву? Не подавись, детка.

Врачеватель поврежденной ноги, прыгнув со стула, во время монолога неизвестного пытался заслонить меня от него и мирным путем пресечь назревающий инцидент. Дело, казалось бы, стороннее. Но хамство в мой адрес уже прозвучало. Ставить Глеба в неловкое положение второй раз отнюдь не хотелось. Поэтому, подойдя к вертлявому, я ласково погладила его по торчащим вихрам.

– Да, малыш, пью на халяву, тут ты прав. Только платишь за эту выпивку не ты, не тебе и рот открывать. Но ты ведь молчать не можешь, правда? Понос словесный открылся. Известный, хоть и вонючий феномен – дерьмо попало в вентилятор, – пропела опешившему наглецу и плавно двинулась прочь, обернувшись лишь на секунду, – спасибо, Глеб, было очень приятно.

За моей спиной гневно извивался субъект, сдерживаемый новым знакомым, и раздавался дружный гогот присутствовавших при разговоре невольных зрителей.

Веселье текло своим чередом, пока часа через два после выпитого с Глебом коктейля во всем клубе не вспыхнул свет. Застигнутые иллюминацией, замерли посетители, на входе маячили милицейские фуражки и яркий синий пиджак мое-

го приятеля-администратора. Молчаливая пауза постепенно сменилась всеобщим гвалтом и выкриками недовольства.

С трудом пробившись к выходу, я узрела шикарную одетого широкоплечего субъекта с синяком на скуле, дающего показания милиционеру за одним из столиков. Поодаль на полу лежал давишный вертлявый канализационный пропеллер, которому оказывали медицинскую помощь две официантки. Администратор разговаривал с майором милиции. Сзади меня потянули за руку. Глеб. Вид у него был испуганный и озадаченный.

– Ниги, сейчас не до церемоний, помоги мне.

– Что случилось? – тревожно поинтересовалась я, покорно следуя за Глебом в дальний угол помещения.

– В общем, этот фраер за столиком – сын большого чина МВД, сам ментов и вызвал. Он прицепился к Васе, ну, который к нам подходил, задирает его. Вася полез в драку, да куда ему, только сам получил. Пришлось вмешаться. Синяк фраеру я поставил, так что сейчас меня, скорее всего, заберут. Но ужас в том, что я у Васи из кармана вынул пакет с травкой. Если найдут, точно дело припаяют. Да и телефон сотовый конфискуют в свою пользу. Хочу тебе все отдать. Ты ведь администратора знаешь, я видел. Сможешь выкрутиться, а мне – край!

– Круто дело! Все-таки допрыгался твой Вася. Так, дай мне три минуты, я должна подумать, – и тут мой взгляд уперся в портьера, за которой находились служебные помеще-

ния, – пошли, Глеб, если повезет, и Бориска будет на месте, то тебя вообще не найдут.

Сорок минут прибывший дополнительный наряд мальчиков в погонах шнырял по всем помещениям клуба в поисках виновника телесных повреждений у венценосного сынка. Хромающего Василия подняли с пола и вывели из помещения врачи прибывшей по вызову «скорой помощи», больше он в зал не возвращался. Ропот трезвеющей толпы грозил перерасти в бунт. Поиск не давал плодов. В конце концов, блюстители закона решили, что хулиган покинул помещение еще до их приезда.

Бориска не подвел. Мало того, что оказался в нужный момент на месте, но и согласился под давлением моих слезливых уговоров поместить Глеба в шахту служебного подъемника. Оттуда я его и вызволила, когда толпа посетителей заметно поредела, а беснующийся «пострадавший», пригрозив работникам клуба закрытием, громко удалился.

Спасенный из лап правосудия, сутулясь и не находя слов, только благодарно держал меня за руку. Правда, не долго. Его помощи и поддержки ждал увечный (прежде всего, на мой взгляд, на голову) Вася. Но убегая, новый знакомый не забыл оставить контактную информацию, обещая отпраздновать проявленное в его честь великодушие.

Позже Бориска с удовольствием рассказывал мне, что «тот,

которого ты прятала», одарил его бутылкой дорожущего коньяка, коробкой конфет для жены и даже плюшевым зайцем для внучки. А меня «шахтовый заключенный» повел в уютный ресторан с теплым приемом, изысканной сервировкой и живой музыкой.

Как ни странно, у нас с Глебом нашлись даже общие знакомые. Удивительно, что мы не встретились раньше. Зато теперь мы общались не только друг с другом, но и компании приятелей. С моей легкой руки у Глеба тоже появилось прозвище – Любс, потому что он мягкий, милый и любимый.

Я вовсе не стремилась признавать детали деловой и личной жизни Любса, мне хватало его обволакивающего молчания, заботливого внимания и теплых прикосновений. А сам герой не стремился их обсуждать. Но подробности, локализованные внутри личной демаркационной линии, так или иначе, всплывали.

Спутником Глеба на общих развлекательных мероприятиях, к моему бескрайнему удивлению, часто становился тот самый Вася, взбалмошный, несдержанный и хамовитый. Выпив алкоголя, в котором он явно не знал меры, этот хлипкий субъект зачастую становился инициатором конфликтов и скандалов, создавая неловкость и вызывая неприятие. В поведении и настроении Васи был какой-то надлом, истерическая экзальтация. Переходы от самозабвенного восторга к неумной ярости, от гипертрофированной радости к болезненному самобичеванию, от замашек узурпатора к уничиже-

нию отверженного происходили буквально на глазах без видимых причин. Как заботливая квочка, Любс нянчился со своим подопечным, гася раздоры и умиряя эмоции. В том числе, надо признать, и мои.

Как-то в один из милых вечеров совместного общения произошел совершенно дикий случай. Компания сидела за большим столом, весело проводя время. Благостно расположенный Вася травил смешные анекдоты и смело подшучивал над присутствующими. Ничего не предвещало беды, пока я не порезала руку не в меру наточенным кухонным ножом. Хлынувшая кровь вызвала общий бестолковый переполох. Кто-то отошел подальше, чтобы не испачкаться или обуздать негативные эмоции. Кто-то шумно сочувствовал и давал дилетантские советы. Кто-то тащил меня к умывальнику, прикладывал к ране салфетку, когда на фоне шума явственно прозвучала Васина фраза, на которую мало кто обратил внимание:

– Так тебе и надо, сука!

Вскоре бестолковая толкотня и гвалт улеглись, люди вернулись к приятному времяпрепровождению, и только Глеб настойчиво и умело обрабатывал и перевязывал мою пострадавшую конечность добытыми где-то антисептиками и бинтами, приговаривая утешительные и подбадривающие слова.

В этот момент на меня и набросился разъяренный Василий, свалил со стула и ударил по поврежденной руке. От

неожиданности Глеб потерял равновесие и тоже упал. Но, в отличие от меня, моментально поднялся и двумя крепкими хуками разукрасил Васино лицо, пиная его в направлении «на выход». Сквозь боль я видела классическую картину из гоголевского «Ревизора»: картинно застывшие безмолвные позы и широко открытые изумленные глаза наших общих знакомых.

Глеб вернулся чернее тучи. Один. И все оставшееся время буквально не отходил от меня ни на шаг, не комментируя случившегося. Стоило мне направиться в сторону кухни или уборной, как рядом пристраивался Любс, терпеливо охраняя меня от ненужных прикосновений и излишнего внимания.

А потом наступил период, когда Глеба перестали звать на общие посиделки, и мы подолгу не имели друг о друге вестей. Лишь позже я поняла, что люди рады видеть его в компании, но только без Васи. А это по каким-то личным причинам невозможно для самого Глеба. Замкнутый круг.

Разгадка ребуса оказалась настолько простой, насколько и неожиданной. Ничего в поведении, манерах, интересах и внешнем облике Глеба не могло дать повода даже предположить истину, но... То, что в Бельгии, Норвегии, Дании и еще в десятке стран мира принято на государственном уровне, а в России до недавнего времени каралось по закону, теперь стало частью обычной повседневной жизни: однополые пары. Конечно, приглашая на вечеринку одного из «супругов», надо быть готовым к приходу второго. На то она и «семья».

Ничего не имею против любого гендерного самоопределения, имидж Глеба для меня не потускнел, но стало грустно от невозможности получать удовольствие от общения с одним без удручающей необходимости терпеть другого.

А потом... В один не самый лучший день раздался телефонный звонок. Василий погиб, покончил жизнь самоубийством. Сквозь бурю нахлынувших эмоций и разнокалиберных мыслей, меня пронзило горькое сочувствие. Каким бы ни был Вася, он много значил для Глеба. И состояние последнего беспокоило меня очень.

По данным официальных источников в мире ежегодно кончают жизнь самоубийством больше миллиона человек, причем, в России на каждую тысячу населения приходится около двадцати суицидентов. Но за каждым статистическим фактом стоят реальные судьбы. Как оказалось, в том числе и судьбы близких и знакомых людей.

Сами по себе похороны процедура страшная и болезненная. Но самым ужасным видением были для меня запавшие и сухие глаза Глеба на осунувшемся и почерневшем лице. Казалось, что двигается он скорее по инерции и плохо понимает происходящее. Что сказать и как? Чем утешить? Любые слова были бы глупыми и излишними, душило отчаяние, висевшее в воздухе тяжелым туманом. Молча, я крепко обняла Любса. Всего на минуту.

Когда люди вереницей потянулись к автобусам с ритуальной символикой на борту, не поднимая головы и не разбирая дороги, я двинулась следом. Траурный кортеж начинал движение. В этот момент кто-то грубо и стремительно оттолкнул меня на обочину проезжей части. Глеб. Он с ужасом в глазах смотрел на приближающийся катафалк, путь которому я чуть не перешла буквально полминуты назад. Адреналин с грохотом таранил мой затылок. Конечно, это – примета, нельзя переходить дорогу покойнику. Но как? Как сквозь вуаль безысходной скорби меня заметил Глеб? Где нашел силы? За гранью возможного и мыслимого он продолжал дарить внимание и заботу.

Никак и ничем нельзя заменить ушедшего навсегда человека, но поддержать обладателя раненого вечной разлукой сердца мы всегда в силах. Я старалась. Тем более, что Глеб явно жил под гнетом взятой на себя вины за бездарно оборванную жизнь. Понять, насколько облегчали боль мои старания, было очень трудно. Друг оставался приветливым, улыбчивым, внимательным и заботливым, не допуская посторонних в потаенные уголки души. Разве что в глазах теперь поселилась еле заметная тень печали, делающая взгляд более глубоким и таинственным.

А в доме у Любса поселился новый обитатель – строгий, но справедливый неаполитанский мастиф Джосс, обожающий хозяина и избирательно недолюбливающий его го-

стей. Заслужить расположение собаки угощением, лаской или хитростью было просто невозможно. Пес по внутренним критериям с первого нюха и взгляда четко определял меру своей благосклонности, не меняя ее никогда. Думаю, что мне повезло, поскольку Джосс беспрепятственно пропускал меня в дом и даже не возмущался моим близким расположением к хозяину, но прощал далеко не все попытки проявить ласку к нему самому.

Когда мой телефонный звонок застигал Глеба в присутствии собаки, он громко комментировал Джоссу: «Это Ниги. Здраваться будешь?». И басовитый мастиф негромко, но отчетливо приветствовал: «Р-р-р-ав!». Молодец, помнит!

Время шло, и однажды кроме уже полюбившегося «Р-р-рав» на фоне нашего с Глебом разговора я услышала невнятно произнесенную, но громко сказанную мужским подвыпившим голосом фразу:

– Г-глебушка! Ск-олько можно? Задолбали т-твои знакомые! Щаз телефон р-разобью! Иди ко м-мне!

– Да заткнись, ничего не слышно, – оборвал тираду Глеб.

– Тебя можно поздравить? – спросила я через паузу, – это оно? То самое?

– Наверное. Ниги, все хорошо. Я в порядке и даже... счастлив.

– Я рада. Больше того, от всей души желаю этому счастью не спотыкаться на проблемных кочках, ибо вижу их издалека.

– Извини. Давай не сейчас. Я перезвоню тебе.

Обещанного пришлось ждать не три года, но не меньше двух месяцев. Мы не только созвонились, но и договорились встретиться. Как всегда, галантный и предупредительный Любс проявлял чудеса внимания и такта, искренне интересовался новостями, радовался и сочувствовал в располагающих к этому частях диалога. Но лицо Глеба не светилось счастьем, и этого можно было ожидать. От судьбы не уйдешь. Нянчить, пестовать, оберегать и защищать, дарить тепло и добро, жертвовать, спасать – суть и смысл этой отдельно взятой судьбы.

Кто-то из больших мудрецов сказал, что озаряя жизнь других, человек сам никогда не останется без света. Наверное, так оно и есть, ведь столкнувшись с душевной теплотой Глеба, многие люди отвечают ему взаимной симпатией и любовью. Но нужна ли ему взаимность многих? А та, что нужна, подарит ли счастье?

Хочется верить Леонардо да Винчи: «В природе все мудро продумано и устроено, всяк должен заниматься своим делом, и в этой мудрости – высшая справедливость жизни». Я продолжаю надеяться, что помимо верных друзей, нежных почитателей и благодарных союзников эта высшая справедливость подарит Глебу еще и нерушимую любовь, приносящую счастье.

Стелла

«Честолюбивая посредственность живет на проценты от вклада в Банк лицемерия и двуличия»

Стелла Игоревна – моя коллега, обладательница ведомственного звания и начальственного статуса. Много лет назад мы познакомились в одной из командировок волею пославшего нас Министерства. Состав комиссии по проверке работы профильного учреждения был сборным: представители ареопага областных учреждений и я. Как среди облеченных властью людей оказалась рядовая сотрудница, известно, наверное, только составителю приказа. Будем думать, что мой приземленный статус не исключает некоторых умственных способностей и достаточной квалификации. Как бы то ни было, но мне предстояло несколько дней ударно потрудиться наравне с «большими людьми». Почетно и ответственно. Радовало, что «сферы влияния» в рамках общей работы были четко разделены, то есть каждый имел право на собственную оценку внутри предписанной области компетентности.

Стелла Игоревна произвела на меня впечатление очень внимательного, заботливого, скромного и уступчивого человека. Проявляя чудеса демократизма, она попросила назы-

вать ее коротко – Стелла и просто – на «ты». Таким путем, якобы, стиралась незначительная (более чем в десять лет) разница в возрасте и неподобающие общей плодотворной работе искусственные препоны. Забегая вперед, скажу, что перейти на «ты» мы так и не смогли, сначала по причине моего «неподобающего случаю» воспитания, а потом – в силу особенностей межличностного взаимодействия. Но об этом я не жалею.

Выглядела она явно моложе своих лет. Стройная энергичная шатенка, волосы средней длины, невысокого роста, с плавными жестами, внимательным серо-зеленым взглядом, тихим голосом, в неброской одежде и с минимумом косметики на лице. Ввинчиваясь в кипы представленных на экспертизу документов, Стелла удовлетворенно кивала головой или многозначительно фыркала, черкала неразборчивым почерком заметки на память и полусшепотом консультировала авторов многочисленных бумаг. Коллега успевала не только делать свою работу, но и ухаживать за другими экспертами: осведомляться о самочувствии, предугадывать незначительные желания, удовлетворять мелкие нужды, наливать чай, проветривать помещение, угощать конфетами, заботливо накидывать шаль, подносить таблетки от головной боли, давать практические советы. Стелла была столь мила, что я невольно задавалась вопросом, – как такой мягкий человек может руководить множеством подчиненных? Чудеса.

Психологи давно отметили, что имея неполную информацию о человеке, мы невольно распространяем свое частное впечатление о нем на оценку его личности. Если первое впечатление о человеке благоприятно (как это и произошло у меня со Стеллой), то в дальнейшем его поведение, качества и поступки переоцениваются в положительную сторону. Эдакая пристрастность со знаком плюс. Причем, мы склонны не просто фиксировать проявления другого человека, наблюдаемые в реальности, а скорее осмысливать и интерпретировать их, подбирая подходящие случаю внутренние побуждения этого другого на основании собственных эмоций.

Дело усугубляется тем, что сам человек далеко не пассивен и не безразличен по отношению к производимому впечатлению, он стремится улучшить представления о себе в благоприятную сторону. И Стелла, надо признать, преуспевала в этом.

С этой улыбчивой женщиной после памятной командировки мы встречались еще не раз на профессиональных мероприятиях самого разного уровня, содержания и назначения. Неизменным оставался её стиль доброжелательной и настойчивой опеки.

Но судьба на этом не остановилась. Ей было угодно свести нас поближе, запустить тренинг взаимного познания, уточнить отношение, развеять мифы и водрузить знамя истины над головой каждой. В виде нимба или кокетливых рожек,

как получится.

В один прекрасный весенний день Стелла Игоревна была представлена коллективу, в котором я трудилась, в качестве нового начальника, заменившего на ответственном посту покинувшего нас пенсионера. Смена руководства всегда стресс для подчиненных (и для нового руководства, наверное, тоже). Мы давно привыкли к стилю управления и требованиям уволившегося либерала и патриота Евгения Карловича, душевно переживающего проблемы и трудности каждого представителя «своего прихода» и более всего ценящего профессионализм и трудолюбие сотрудников. По каким правилам доведется играть теперь, можно было только предполагать. Но очевидно, что у меня появилась возможность получить ответ на давно возникший вопрос – как такой мягкий человек может руководить множеством подчиненных?

Оказалось – может, неожиданным стало – как. Буквально за несколько первых недель совместной работы в моем сознании прекраснодушная Стелла превратилась в непредсказуемого и грозного Отелло, неуголимую Грызеллу и коварную Хитреллу. Ранее полученные впечатления вели отчаянную борьбу с вновь открывающимися фактами. Хотелось верить в случайность, совпадение и собственную глупость, нежели мучительно принимать неизбежное и логичное. Ломка и обоюдное разочарование превратились в длительную и изощренную пытку.

Первые ласточки глухого непонимания вылетели из гнезда независимости. Стелла по несколько раз на дню заботливо предлагала мне попить с ней чаю в начальничьем кабинете. Признавая наше знакомство и сочувствуя проблемам нового человека в коллективе, я несколько раз даже соглашалась на десертную трапезу с боссом в юбке. Но ощущение дискомфорта накрывало меня после этого с головой. Кичиться близостью к власти не в моем свободолюбивом характере, так же как и прогибаться под нее для получения дивидендов. «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь», – эти слова классика очень подходят для описания моего отношения к начальникам всех мастей и рангов. Исключение, наверное, составили бы мои близкие друзья, доведись им мной командовать. Хотя и это спорно, уж больно меняют людей искусства медных труб.

Чем настойчивей зазывала меня Стелла пить чай, тем прозаичнее и недвусмысленней звучали мои отказы. Поначалу скрываемые Хитреллой обиды со временем все явней проступали на ее лице. И даримые улыбки становились все менее радужными. Но наградой стали одобрительные взгляды, кидаемые даже самыми подозрительными коллегами, и собственное удовлетворение от восстановленной дистанции.

В наказание за отвергнутый чай госпожа Грызелла на планерках и совещаниях стала нарочито пропускать мои реплики, не касаясь меня даже взглядом. А однажды утром, когда

я мчалась по коридору к рабочему месту, на пути возникла начальница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.